

Глава 16

Шэнь Хуэйцы протянул руку и коснулся лица Линь Суге — кожа под ладонью пугающе пылала. Нахмурившись, он негромко позвал:

— Проснись, ну же. Слышишь? Тебе нельзя сейчас спать. Нужно в больницу.

Линь Суге в ответ лишь невнятно пробормотал что-то жалобное; его тело буквально сгорало от жара. В лихорадочном забытии он нащупал ладонями спасительную прохладу, крепко прижал её к пылающим щекам, а затем и вовсе потянул ниже, к шее.

Шэнь Хуэйцы не успел опомниться, как его ладонь оказалась прижата к нежной коже. Под тонкими покровами мерно и часто бился пульс, отдаваясь в руку ритмичными толчками. Мгновение спустя по телу Шэнь Хуэйцы прошел слабый разряд электричества; оцепенение сковало его, не позволяя даже пошевелиться.

Но человеку на кровати этого было мало — он продолжал удерживать его руку, направляя её ещё ниже.

Сердце Шэнь Хуэйцы пропустило удар, и он резко отстранился.

Линь Суге открыл глаза. В его расфокусированном, затуманенном взгляде читались обида и немой упрек. Он не произнес ни слова, лишь смотрел в упор, но под этим взглядом любой почувствовал бы себя виноватым.

Не в силах больше выносить этого испытания, Шэнь Хуэйцы отвел глаза и глухо произнес:

— Дело не в том, что я не хочу... Если бы ты был в сознании, мог бы делать всё, что пожелаешь.

С этими словами он вновь укутал Линь Суге в одеяло и, подхватив получившийся сверток на руки, поднялся:

— Поедем в больницу, хорошо?

Линь Суге совершенно не понимал, кто перед ним; мир перед глазами двоился и расплывался. Чувствуя невыносимую слабость, он лишь болезненно прижался к плечу мужчины. Уткнувшись лицом в изгиб шеи Шэнь Хуэйцы, он тяжело дышал, обжигая его кожу каждым выдохом.

— Больно... — прозвучал едва различимый, хриплый шепот.

Шэнь Хуэйцы крепче сжал объятия:

— Где больно?

— Желудок.

Дел в корпорации «Линь» всегда было невпроворот, и забывать об обеде во время работы стало для него привычкой. К тому же бесконечные приемы не обходились без спиртного, так что желудок Линь Суе давно оставлял желать лучшего. Сегодняшнее количество выпитого дало о себе знать — теперь внутри всё словно припекало каленым железом.

Шэнь Хуэйцы помрачнел. Одной рукой он бережно погладил его по спине, уговаривая:

— Нам действительно пора к врачу.

Линь Суе лишь заворочался, ещё плотнее прижимаясь к его шее. В затуманенном мозгу всплыла несправедливая мысль: почему этот человек совершенно не умеет заботиться о других? Ему ведь сказали, что больно, так зачем же его мучить? И какая ещё больница — он сейчас и пошевелиться-то не может без мучений.

В порыве детской обиды он попытался оттолкнуть Шэнь Хуэйцы:

— Уходи... не нужна мне твоя забота.

— Почему же не нужна? — терпеливо спросил тот.

Молодой директор Линь, свернувшись в его руках в комочек, пробормотал приглушенно:

— С тобой... неудобно. И ты всё время хочешь утащить меня в больницу.

— А кто тогда нужен?

Линь Суе замолчал и лишь спустя долгое время выдавил:

— Брат...

— Или Мо Гуаньци... Или Малыш Вэйчжи.

Киноимператор Шэнь, чье имя так и не прозвучало в списке, лишь обреченно вздохнул. Достав телефон, он заказал необходимые лекарства, после чего направился в ванную за полотенцем. Едва он тронулся с места, как «сверток» на кровати распахнул глаза. Мутные, подернутые влажной дымкой глаза походили на стеклянные шарики.

— Ты... и вправду уходишь? — прошелестели его губы.

Сердце Шэнь Хуэйцы превратилось в лужицу теплой патоки, которая пузырилась от нежности, грозя выплеснуться наружу.

— Не уйду, не уйду, — мягко отозвался он.

Вынув из кармана платок, он смочил его минеральной водой из бутылки на тумбочке и, тщательно выжав, принялся бережно обтирать лицо Линь Суне. Волосы молодого директора Линя, обычно безупречно уложенные, мягко спадали на лоб, подчеркивая его болезненную хрупкость. Глядя на него с безграничной нежностью, Шэнь Хуэйцы действовал ещё осторожнее.

Закончив с обтиранием, он принялся аккуратно массировать ему область желудка, неторопливо водя ладонью по часовой стрелке. Он продолжал это монотонное движение до тех пор, пока Линь Суне не начал погружаться в сон.

Когда доставили лекарства, веки Линь Суне уже окончательно отяжелели. Шэнь Хуэйцы осторожно переложил его на подушки и попытался дать таблетку. Однако больной, только-только начавший засыпать, совершенно не желал сотрудничать: он лишь недовольно ворочался под одеялом, пытаясь отвернуться к стенке.

Поняв, что проглотить капсулу тот не сможет, Шэнь Хуэйцы сдался и пошел разводить порошок. Приподняв голову Линь Суне, он по капле вливал лекарство ему в рот. К тому моменту, как всё было кончено, спина Шэнь Хуэйцы насквозь взмокла от пота.

Когда лихорадка начала спадать, а на лбу Линь Суне красовался охлаждающий пластырь, перед Шэнь Хуэйцы встала новая дилемма: как обтереть его тело?

Весь его опыт ухода за больными ограничивался редкими визитами к старому господину Шэню. Но и те заканчивались плачевно: старик уже через полдня начинал орать, швыряясь в него яблоками и веля убираться с глаз долой.

К тому же Шэнь Хуэйцы, застыв с полотенцем в руках, не знал, с чего начать. Сама мысль об обтирании казалась ему сейчас чем-то глубоко интимным и непозволительным.

В его душе разыгралась нешуточная борьба. «Белый» человек твердил, что это необходимая медицинская процедура. «Черный» же лишь язвительно усмехался: «Ты ведь прекрасно знаешь, что у тебя на уме. К чему эта маска благородства?»

Сяо Цзю, паря в воздухе, наблюдала за тем, как этот «Гун №2» исполняет у кровати некое подобие танго: то делает шаг вперед, то резко отступит. Поколебавшись ещё немного, Шэнь Хуэйцы всё же сел на край постели и откинул край одеяла.

Притянув спящего Линь Суе к себе, он негнушимися пальцами расстегнул его шелковый халат.

Под ним открылась бледная кожа, покрытая испариной; от высокой температуры она приобрела нежно-розовый оттенок, напоминая глазурированный фарфор. Острые лопатки при каждом вздохе едва заметно двигались, словно крылья бабочки. Стоило Линь Суе чуть податься вперед, как его позвоночник проступил четким контуром, изгибаясь, точно туго натянутый лук.

Стиснув зубы, Шэнь Хуэйцы приказал себе не думать ни о чем лишнем. Его движения были легкими, точно падение тени. Едва закончив с верхней частью тела, он шумно выдохнул и, зажмурившись, перешел к ногам.

Он не смел даже приоткрыть глаза: одной рукой приподнимал бедро Линь Суе, а другой молниеносно проводил полотенцем. Но это добровольное ослепление не приносило облегчения — в тишине комнаты слух обострился до предела, улавливая лишь прерывистое дыхание, а ладонь всё ещё хранила ускользящее ощущение чужого тепла.

Спустя вечность он переодел больного в свежую одежду, заботливо подоткнул одеяло и вышел на балкон. Закурив, он устремил взгляд вдаль — и столкнулся глазами со своим племянником, который, очевидно, ждал его там уже довольно давно.

Шэнь Хуэйцы выпустил струю дыма:

— И... что это значит?

Шэнь Цунцзин, который уже собирался лечь, не выдержал и снова поднялся. Опасение, что дядя натворит непоправимого, довело его до нервного истощения.

— Дядя...

— Я ничего не сделал. Он болен.

— Болен? — совесть Шэнь Цунцзина мгновенно пробудилась. Он тут же пожалел, что поспешил скрыться с ужина.

— Угу, — отозвался Шэнь Хуэйцы. — Завтра утром уезжай один, ему нужно отлежаться.

— Понятно. А ты?

— Я останусь с ним.

Цунцзин невольно вспомнил какую-то мелодраму, которую смотрел с матерью: его собственный дядя сейчас до боли напоминал того самого несчастного «второго лишнего», который летит через полмира, чтобы преданно охранять покой возлюбленного, а в итоге всё равно остается не у дел.

Вслух он этого, конечно, не сказал. Перед тем как вернуться в номер, он обернулся:

— Дядя, ты ведь прилетел только потому, что боялся за него?

Шэнь Хуэйцы одарил его взглядом, полным нескрываемого презрения:

— А ты думал — ради тебя?

— ... — Проглотив обиду, Цунцзин рискнул спросить: — А что ты будешь делать, если он выберет кого-то другого?

Шэнь Хуэйцы небрежно стряхнул пепел:

— Я делаю всё это не ради того, чтобы мы непременно были вместе. Я просто хочу иметь право на то, чтобы он хотя бы рассматривал мою кандидатуру.

Он прикрыл глаза, и в ночном воздухе рассыпался его тихий смешок:

— И если такой день настанет, значит, он нашел кого-то лучше меня. Я буду только рад за него.

***

Линь Суе проснулся лишь к полудню. Едва открыв глаза, он столкнулся взглядом с Сяо Цзю. Человеческие глаза встретились с электронными окулярами системы.

«Носитель, ты проснулся! Как ты себя чувствуешь?»

Линь Суе кивнул. Жар спал, голова была ясной, осталась лишь легкая слабость во всем теле.

Послышался звук закрываемой двери: в комнату вошел Шэнь Хуэйцы с пакетами еды в руках. Заметив, что больной пришел в себя, он на мгновение замер, но тут же с привычным спокойствием поставил вещи на стол.

— Доброе утро, директор Линь.

Сяо Цзю многозначительно добавила:

«Кстати, носитель... Забыл сказать: вчера вечером за тобой ухаживал гун... то есть Шэнь Хуэйцы».

В голове Линь Суе вспыхнул огромный знак вопроса.

— Как ты здесь оказался?

— Приехал в Город Ган по делам, — ответил Шэнь Хуэйцы. — Услышал от Цунцзина, что ты тоже в командировке, и решил заглянуть. Оказалось, ты болен, вот я и остался.

— Как ты вошел?

Шэнь Хуэйцы на мгновение замялся, а затем выдал:

— Ты был в бреду и не помнишь, но ты сам открыл мне дверь.

«Носитель, он перелез с соседнего балкона», — вставила Сяо Цзю.

Они заговорили одновременно. Линь Суе замер в замешательстве.

Насколько он помнил, они жили на пятнадцатом этаже?

Молодой директор Линь поднялся и вдруг осознал, что на нем другой халат:

— Ты... передел меня?

Актер Шэнь отвел взгляд.

В это мгновение обрывки воспоминаний хлынули в сознание Линь Суе сокрушительной волной.

«Уходи... не нужна мне твоя забота».

«...Брат...»

«...Ты и вправду уходишь?»

Кровь мгновенно прилила к лицу, и Линь Суе резко опустил голову.

Господи, как стыдно.

— Директор Линь? — Шэнь Хуэйцы, заметив его оцепенение, решил, что тому снова стало плохо, и поспешил подойти.

Линь Суе мысленно взмолился, чтобы тот замолчал. Он был готов провалиться сквозь землю.

Шэнь Хуэйцы коснулся его лба — температура была в норме.

— Мне уже лучше.

Линь Суе поспешно скрылся в ванной. Когда он вышел, завтрак уже был разложен по тарелкам. Мешкая, он подошел к кофейному столику, взял миску с кашей и сел, повернувшись к мужчине спиной.

Спустя минуту «затылок» подал голос:

— ...Спасибо тебе. За то, что... прилетел.

Шэнь Хуэйцы невольно улыбнулся. Видимо, вспомнил и теперь сгорает от смущения.

***

«Сгорающий от стыда» Линь и «летающий по балконам» Шэнь вместе возвращались в Город Юнь.

Всю дорогу они сидели с закрытыми глазами, не проронив ни слова. Шэнь Хуэйцы притворился спящим, но, когда в середине пути он решил проверить температуру Линь Суе, обнаружил, что этот «стыдливый кот» тоже лишь делает вид, что спит.

Он не стал его выдавать. Едва они сошли с самолета и сели в машину, на телефон Шэнь Хуэйцы пришло уведомление. Это было первое сообщение от Линь Суе с момента их знакомства.

«Я знаю, что ты приехал специально».

«Спасибо за заботу».

«Я бываю несносным, когда болею, так что... спасибо».

«Когда у тебя будет время, я бы хотел пригласить тебя на ужин».

Спустя минуту пришло ещё одно:

«Больше так не делай. Это очень опасно».

Это было выше его сил. Кончики пальцев Шэнь Хуэйцы увлажнились, он едва удерживал телефон в руках.

Как же он сможет отпустить его в будущем?

Шэнь Хуэйцы низко склонился, прижавшись лбом к экрану телефона. Его дыхание дрожало, но в каждом выдохе чувствовалось сладкое послевкусие счастья. Лишь спустя долгое время он смог успокоиться и набрать ответ:

«Не бери в голову, мне это было только в радость».

«Не стоит благодарности».

«Вовсе ты не несносный. Скорее... очень милый».

«У меня всегда есть время для тебя. Решай сам».

«Слушаюсь и повинуюсь ^^»

<http://bllate.org/book/16112/1584430>